

АЛЕКСЕЙ ЧЕРНЯВСКИЙ

СТАЛЬ ПРОТИВ БЕЗДНЫ

Четыре стихии против предвечной тьмы

Алексей Чернявский
Сталь против бездны

«Автор»

2026

Чернявский А. А.

Сталь против бездны / А. А. Чернявский — «Автор», 2026

Древняя Печать, тысячелетиями сдерживавшая первородную Пустоту, треснула. Северные рубежи королевства задыхаются под черным пеплом, гарнизоны обращаются в серый шлак, а старый монарх на троне медленно сгорает заживо, удерживая небо остатками собственной жизни. Когда древний союз забыт, спасти мир может лишь тот, кто не боится потерять всё. Эдрен — рыцарь порубежья, несущий в сердце незаживающую рану утраты. Чтобы сомкнуть рану творения, ему предстоит пройти по гибнущей земле: вымолить залог у увядающих бессмертных эльфов, обуздать немую тяжесть подгорных глубин и принять первородное пламя последнего дракона. Четыре великие стихии сойдутся на краю мира, но замкнет круг не магия и не венцы власти. Что окажется сильнее у самого жерла бездны — ласковый морок небытия, сулящий вечный покой, или простая верность долгу и закаленная сталь? Классическое эпическое фэнтези о жертве, мужестве и цене зарождающегося нового века.

© Чернявский А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. О начале дней и Первой Печати	5
1	5
2	6
3	7
4	9
Глава I. Пепел на порубежье	10
1	10
2	12
3	14
4	16
5	18
6	21
Глава II. Венец и бремя	22
1	22
2	24
3	25
4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алексей Чернявский

Сталь против бездны

Пролог. О начале дней и Первой Печати

1

В начале дней, когда время еще не знало счета седмицам и годам, сотворенный мир был юн, горяч и неогляден.

То не был мир городов и межевых столбов. Твердь тогда лишь остывала после великого горна первых времен: реки текли чистым серебром, не знавшим весел, исполинские дубравы и ясени шумели от моря до моря, а в ледяных поднебесных высях звенели чешуей Первородные Змии, купаясь в лучах новорожденного солнца. Земля была полна созидательной силы — плотной, радостной и безраздельной.

Но на самых дальних северных рубежах, за зубчатыми базальтовыми кряжами, твердь обрывалась.

Там, где кончался последний гранитный уступ, лежала Бездна.

Она не была порождением мрака или хтонического зла. В те первозданные дни Пустота не знала ненависти к живущим, не плела наветов и не алкала чужой крови. То было предвечное, довременное Небытие — холодное лоно великого покоя, окружавшее сотворенный островок бытия со всех сторон. Там не существовало ни звука, ни формы, ни памяти; там царило лишь бесконечное, безучастное молчание, бывшее до зажжения первых светил.

Однако бытие и небытие не могли долго соприкасаться без боли.

Словно теплое живое тело, прижатое к мертвому озерному льду, юная земля начала остывать у своих северных краев. На границе двух начал возник Разлом — глубокая рана в ткани мироздания, сквозь которую тепло, дыхание и самое вещество сотворенного мира стали медленно, капля за каплей, утекать в пустоту. Камни пограничья рассыпались в серый прах; ручьи застывали мутной стужей; первые племена, едва научившиеся разводить огонь, в ужасе бежали на юг от наползающей серой хмари.

Мир рисковал раствориться в предвечной колыбели, так и не успев узнать собственной полуденной поры.

2

И тогда на зов стонущей земли собрались Первые Владыки.

Они сошлись на высоком скальном плато над самым зевом ледяного провала, где ныне высится Алтарь Сопряжения. В тот предрассветный час между народами еще не было ни вражды, ни зависти, ни горькой памяти о пролитой крови. Каждое племя знало свое место в едином великом круге и готово было принести залог за общее дыхание.

Четыре великих начала сошлись у края бездны.

Первым шагнул вперед владыка Тарэон из зачарованного Эльвалара. Он принес с собой живую ветвь от корня Перводрева — Сердце Леса. В этой ветви бился сок первозданной весны, зеленый огонь не знающей смерти листвы и память о том дне, когда первое семя пробило каменистую почву.

Вторым поднялся из темных недр земли Праотец подгорного племени Кхар-Дорина. Своими мозолистыми руками, помнившими жар подземных очагов, он опустил на плиты Сердце Горы — граненый октаэдр первородного базальта, пронизанный серебряными жилами. В нем была заключена несокрушимая опора тверди, вес всех хребтов и клятва камня стоять нерушимо перед ударами бурь.

Третьим опустился на плато исполинский змей Аэрион. Он расправил золотые крылья, затмив собою восход, и добровольно рассек когтем чешую на своей пламенной груди. В чашу алтаря пролилась Кровь Дракона — жидкий, клокочущий первородный огонь творения, даровавший миру тепло, ярость жизни и силу противостоять могильной стуже.

И четвертым встал Первый Король людей — безымянный зодчий в венце из грубого болотного железа. Он положил на алтарь Сердце Короны — осколок первородной стали, символ человеческой Воли, способной обуздать стихии, возвести стены и держать рубеж вопреки страху смерти.

Четыре дара соединились. Зеленый изумруд пущи, серебро земной тверди, золотое пламя змея и темная сталь венца сплелись в неистовый вихрь света, воздвигнув вокруг провала несокрушимый барьер — Первую Печать.

Но когда владыки отступили, они увидели, что кольцо не держится.

3

Стихии были могучи, но они не могли стать замком для мироздания.

Дерево умело лишь расти. Камень умел лишь давить своей тяжестью. Огонь дракона слепо пожирал все вокруг, а королевская сталь стремилась подчинять и повелевать. У четырех сил творения не было единого средоточия — не было начала, способного объединить их в жертвенном смирении. Силы рвались в стороны, и черная пасть Бездны продолжала расширяться, грозя поглотить сам алтарь.

Тогда из рядов людей вышел Первый Хранитель.

Он не держал в руках меча и не носил доспехов. Одеждой ему служил простой дорожный плащ цвета серого приграничного гранита, а рядом с ним ступал маленький босоногий ребенок, крепко державшийся за край его грубого пояса.

Владыки древних рас замерли в молчании.

— Вы принесли силу, владыки, — произнес Хранитель, и голос его звучал спокойно над ревущей пустотой провала. — Но силу нельзя запереть силой. Бездна не боится ярости пламени и не отступает перед тяжестью скал. Ей можно противопоставить лишь то, чего она лишена вовеки.

Хранитель поднял ребенка и подвел его к белому престолу. Отрок посмотрел в черное чрево расщелины без страха и без злобы — с той кроткой, всепрощающей чистотой, какая бывает лишь у тех, чья душа еще помнит свет сотворения. Дитя протянуло маленькую ручку и прижало открытую ладонь к центру белого адамантина.

На камне отпечатался след — ровный, чистый, незамкнутый круг.

Пятый Знак.

То была Свобода Выбора. Величайший и самый опасный дар, врученный смертному человеку. Право добровольно пойти на муку ради других; способность любить то, что обречено на увядание, и готовность отдать жизнь за землю, которая не вспомнит твоего имени.

Хранитель опустился на колени, обнажил лезвие из простого северного железа, окропил его своей кровью и вонзил сталь прямо в центр чистого круга.

И круг замкнулся. Четыре стихии повиновались воле жертвы. Разлом с громовым стоном схлопнулся, запечатанный на века нерушимым союзом сотворенного бытия.

4

Прежде чем уйти в неизвестность, Первый Хранитель начертал на пограничном базальте завет, оставленный всем грядущим поколениям:

«Пока четыре древа держат крону в едином корне, земля не ведает мора.

Но горе веку, в котором венец возгордится пред лесом, гора презрит огонь, а человек забудет о чистоте ладони.

Если разорвется хотя бы один узел — камень истечет чернотой, и Бездна вернется забрать долг.

И тогда не магия владык и не золото чертогов спасут вас от небытия.

Лишь тот, кто примет на свои плечи бремя всех четырех скорбей и омочит сталь верности собственной кровью, сумеет сомкнуть разорванный круг».

Хранитель ушел на север, растворившись в метелях, а ребенок вырос и стал отцом первых пахарей порубежья.

Шли века. Эпоха Первого Союза угасала, точно вечерний костер на ветру.

Люди построили высокие белокаменные города и возгордились своим величием. Короли Олдендора решили, что мир принадлежит лишь их династии. Эльфов оттеснили в глухие чащи Эльвалара, где бессмертные сплели заклание вечной весны, отгородившись от чужого горя. Гномов заперли в темных штольнях Кхар-Дорина, а драконов истребили, загнав последнего исполина — старого Аэриона — на ледяные иглы Врат Пепла.

Четыре начала перестали слышать друг друга. Древний Договор обратился в полузабытые сказки, которые бродячие сказители шепотом пели в придорожных корчмах за кружку кислого эля.

И тогда Печать треснула.

На исходе третьей сотни лет правления династии Огня над заставой Карн-Дул с перевала потянуло сухим печным угаром, на вековые сосны осел маслянистый дегтярный налет, а с небес задолго до положенного срока пал первый тяжелый, мертвый снег...

Глава I. Пепел на порубежье

1

Зима в тот год пришла на Северные Рубежи крадучись, задолго до положенного ей срока.

До праздника Последнего Снопа оставалось добрых четыре седмицы, в долинных селениях на юге еще не осыпались яблоневые сады, а здесь, у подножия Клыкастых Гор, дыхание мира уже переменялось. Сперва замолчали перелески: птицы улетели внезапно, в одну ночь, не сбиваясь в долгие шумные стаи, точно бежали от невидимого моря. Следом по реке Серп поплыла шуга — не хрупкое осеннее кружево, а тяжелый, мутный лед, отдающий запахом потревоженного болотного ила и застарелой ржавчины. А на исходе третьей недели октября с перевалов спустился туман, густой и неподвижный, пахнувший вымерзшим гранитом и остывшим горном.

За туманом лег снег. Он укрыл пологие скаты дозорных трактов, завалил рвы и лег на зубцы крепости Карн-Дул тяжелым белым саваном. Но под этой белизной земля не засыпала безмятежным зимним сном — она задыхалась. Снег не таял от тепла почвы, а истончался снизу, обращаясь в липкую, черную жижу, проступавшую сквозь наст темными язвами.

На седьмой день заморозков рыцарь Эдрен поднялся по винтовой лестнице на галерею Западной башни.

Ветер встретил его у зубчатого парапета — ровный, пронзительный, сухой. Он не нес с собой запаха чистой морозной хвои; воздух был горек, будто где-то за горизонтом горели торфяники или чадили тысячи погребальных костров. Эдрен поплотнее запахнул подбитый волчьим мехом плащ, положил затянутую в толстую кожу ладонь на шершавый парапет и вгляделся в белесую мглу.

Крепость Карн-Дул стояла на этом утесе три столетия. Ее серые базальтовые плиты помнили первых королей династии Огня, помнили усмирение горных кланов и времена, когда через перевал тянулись караваны гномов, груженные серебром и тончайшим железом глубин. Но сегодня крепость казалась чужой самой себе. Огромный двор внизу, рассчитанный на полк тяжелой конницы, гулким эхом отзывался на редкие шаги караульных. Осенние обозы с предгорий не пришли: крестьяне побросали хутора еще до первого снега, уходя на юг целыми родами, бросая амбары, скот и могилы предков.

Они не могли объяснить гарнизонным дозорным причину своего бегства. Беженцы не видели вражеских знамен, не слышали боевых рогов. Старики говорили лишь об одном: «Земля остыла. Тень встает из расщелин».

Эдрен тронул пальцами скол на камне парапета.

Здесь, на этом самом уступе, два года назад стояла Лиара. Он помнил, как бился на ветру край ее темно-зеленого дорожного плаща, как она опиралась бедром о зубец и с легкой, чуть горьковатой улыбкой смотрела на северную гряду. У нее были темные, тяжелые косы и взгляд человека, который видел слишком много чужой боли, чтобы верить в пустые обещания.

— Этот камень простоит еще тысячу лет, Эдрен, — сказала она тогда, не оборачиваясь к нему. — Но камни не знают пощады. Они держат клятву только до тех пор, пока живы те, кто пролил за них кровь. А наша кровь с каждым годом все тоньше.

Через три месяца после того разговора ледники на дальнем перевале треснули.

Эдрен закрыл глаза, но память с безжалостной отчетливостью вернула грохот обрушившейся породы, вой, поднявшийся из глубины провала, и тот узкий скальный карниз, где он держал ее за руку. Пальцы Лиары были скользкими от крови; в ее глазах не было паники — только ясное, нечеловеческое понимание неизбежного. «Уходи, — сказала она тогда тихо, почти без дыхания. — Ты должен остаться на рубеже». И разжала пальцы.

Он искал ее тело три дня под непрерывным снегопадом, раздирая руки о каменные осыпи, пока ратники силой не увели его с ледника. Они нашли лишь ее разорванный плащ и кинжал с серебряной насечкой на рукояти. Эдрен сам насыпал холм над пустой могилой на полпути к перевалу, у подножия трех седых лиственниц.

С тех пор в его груди поселилась глухая, стылая тишина. Он научился отдавать приказы, проверять запасы солонины и стрел, спать по четыре часа в сутки, не снимая кольчуги. Но каждый раз, поднимаясь на эту стену, он видел перед собой ее силуэт. Лиара осталась там, в мерзлоте, а он вернулся в теплые казармы — и эта вина жгла его сильнее любого раскаленного железа.

Снизу, со стороны караульни, донеслись торопливые шаги. Железные подковки сапог загремели по каменным ступеням, нарушая оцепенение утра.

— Господин комендант! — на площадку выбежал сотник Бран. Его борода и брови заиндевели от дыхания, дыхание вырывалось из груди прерывистыми клубами пара. — К воротам! Скорее! С дальнего пикета... конь пришел!

2

Во внутреннем дворе уже собрались свободные от караула дружинники. Они стояли плотным полукругом, опустив копыта, и угрюмо молчали.

Посреди двора на окровавленной брусчатке лежал кавалерийский жеребец. Бока коня были содраны до мяса, копыта разбиты о камни, а из разинутой пасти толчками вытекала розовая пена. Животное конвульсивно дергало ногами, силясь подняться, но хребет его был сломан от непомерной, дикой скачки через перевалы.

Рядом со стремени висел всадник.

Эдрен широким шагом пересек двор, на ходу скидывая перчатки.

— Расступись! Нож сюда!

Рыцарь опустился на колени прямо в талую жижу подле коня. Всадником оказался молодой дозорный по имени Корд — один из шестерых разведчиков, посланных десять дней назад к заставе у Черного Ущелья. Лицо парня было серым, словно вылепленным из речного ила, потрескавшиеся губы запеклись черной коркой. Но страшнее всего был его панцирь.

Тяжелая железная кираса дозорного была выгнута наружу, будто что-то изнутри его собственного тела пыталось пробить металл. Заклепки на плечах лопнули, толстые кожаные ремни перекрутило и обуглило, словно всадника держали над гигантским пламенем, хотя ткань его поддоспешника оставалась нетронутой огнем.

— Держите его за плечи, — не оборачиваясь, бросил Эдрен подоспевшему лекарю. — Режьте ремни снизу. Осторожно.

Старый лекарь Михей дрожащими пальцами подцепил кривым кинжалом кожаные завязки. Бран и двое копеечников навалились на коня, удерживая бьющееся в агонии животное. Железо поддавалось с сухим, трескучим звоном — словно лопнуло не кованое железо, а промерзшая глина.

Когда верхний нагрудник сняли, толпа ратников невольно отшатнулась. Раздался чей-то сдавленный выдох, похожий на молитву.

Под стеганым гамбезоном плоти почти не осталось. От ключиц до самого паха по телу дозорного ветвились глубокие, иссиня-черные борозды. Они напоминали трещины, какие оставляет молния на теле векового дуба, но края этих ран не кровоточили. Кожа вокруг них усохла, обуглилась до состояния сухой золы, сквозь которую проглядывали омертвевшие ребра. Из глубин этих трещин струился едва заметный, белесый парок, несший запах озона и глубинного склепа.

— Пресветлые боги... — прошептал Михей, роняя нож на мокрый булыжник. — Что это?.. Это не клинок и не стрела. Это... железо не может так сотворить с человеком.

Корд внезапно дернулся. Его веки задрожали, приподнялись, открывая мутные, налитые дурной тьмой белки глаз. Зрачки его были расширены до предела, почти поглотив радужку. Рука дозорного, закованная в помятую наручъ, вслепую зашарила по воздуху и вцепилась в край плаща Эдрена с неожиданной, судорожной силой.

— Господин... — хрип вырвался из его горла вместе с сухим кашлем; вместо крови из его рта вылетела щепоть черного пепла. — Перевал... заставы нет...

— Молчи, парень, — Эдрен накрыл его сведенные судорогой пальцы своей ладонью. — Ты в Карн-Дуле. Ты дома.

— Нет... дома нет... — губы Корда двигались с трудом, словно язык его обратился в камень. — Скалы разошлись... снизу. Не огонь. Бездна. Она... она зовет. Она помнит наши имена, господин. Печать... камень на перевале... он истек чернотой...

Глаза дозорного остекленели. Пальцы, державшие плащ рыцаря, резко разжались, и рука бессильно упала на разбитую брусчатку. Корд затих.

Конь под ним испустил последний, протяжный хрип и тоже замер.

Во дворе повисла мертвая тишина. Слышно было только, как с карниза башни мерно и глухо падают тяжелые капли талой воды. Ратники смотрели на изувеченное тело, и в глазах закаленных в сечах мужей Эдрен прочел то, с чем никогда не сможет сладить ни один полководец: покорный, животный страх перед тем, против чего бессильна сталь.

— Бран, — тихо произнес рыцарь, поднимаясь с колен. Голос его звучал сухо и ровно, разрезая морок оцепенения.

— Слушаю, господин комендант, — сотник выпрямился, хотя его скулы побелели.

— Тело предать огню. Не хоронить в земле. Сложите костер за восточным равелином из сухого дубового бруса. Сжечь вместе с доспехами и конем. Пепел засыпать известью и заложить плитами. Тем, кто прикасался к нему — омыть руки уксусом и кипятком. Оружие окропить святой водой из монастырского колодца.

— Будет исполнено, — сотник поклонился.

— И еще. Никаких толков в казармах. Если кто-то начнет выть про конец света — сажать в подвал на хлеб и воду до прояснения разума. Нам нужны копыя на стенах, а не бабы причитания.

Эдрен повернулся и пошел к донжону. Он не показал стражи своей дрожи, но внутри него все сжалось в тугой ледяной узел. Корд сказал правду. Камень на перевале истек чернотой.

Древняя Печать, о которой веками слагали полузабытые баллады бродячие сказители, начала рушиться.

3

В комендантском покое было сумрачно и холодно. Узкие стрельчатые окна, затянутые бычьим пузырем, едва пропускали тусклый полуденный свет. В широком очаге из дикого камня тлели смолистые сосновые кряжи, но жар от них не рассеивал промозглую сырость, вьевшуюся в вековые стены.

Эдрен сидел за дубовым столом, заваленным пожелтевшими картами пограничья. Перед ним лежала деревянная шкатулка, обитая тусклой медью. Он открыл ее. На выцветшем бархате лежал простой серебряный кинжал с тонким лезвием и яшмовым навершием — все, что осталось ему от Лиары.

Он взял кинжал в руки. Металл был ледяным.

«Она помнит наши имена», — эхом отозвались в памяти предсмертные слова дозорного.

Лиара знала древние предания лучше любого монаха из ордена Летописцев. Она провела юность в монастырских библиотеках столицы, разбирая ветхие свитки эпохи Первого Единения. Эдрен вспомнил их последний вечер перед тем роковым выходом к ледникам. Они сидели в этом же покое, у этого самого очага. За окном выла метель, а Лиара, склонившись над пергаментом с картой Первых Твердых, чертила углем странные линии.

— Мир держится не на нашей силе, Эдрен, — говорила она тогда, глядя на пляшущие языки огня. — И даже не на королевской воле. Давным-давно, когда земля была молодой и дикой, предвечная Пустота хотела растворить все живое обратно в себе. Ей не нужны наши царства, наши песни, наши печали. Ей нужен покой. И тогда Первые Хранители связали четыре начала мира — Лес, Гору, Кровь и Волю Венца. Четыре узла, Эдрен. Если развяжется хотя бы один — ткань лопнет.

— Это сказки жрецов, — отвечал он тогда с самоуверенностью молодого воина, чьей единственной верой был добрый клинок и верная кольчуга. — Мы воюем с плотью и костью. За перевалом сидят дикари и беглые мятежники. Придет весна — мы выйдем их из пещер.

Она посмотрела на него тогда — долго, с невыразимой жалостью, какую мать испытывает к неразумному дитяти, играющему с огнем.

— Придет весна, и ты поймешь, мой рыцарь. Но дай небо, чтобы к тому часу у тебя осталось хоть что-то, кроме стали.

Лиара погибла той же весной. А теперь пришла расплата за его слепоту.

Тяжелая дубовая дверь со скрипом отворилась. На пороге возник Бран, держа в руках просмоленный меховой чехол для дорожных сундуков.

— Костер разложили, господин, — глухо доложил сотник. — Отец Иероним читал отходную. Дым пошел черный, словно деготь горит, и смрад стоял такой, что караульные на восточной куртине глаза закрывали. Кончился наш Корд.

— Земля ему пухом, — Эдрен спрятал кинжал Лиары обратно в шкатулку и защелкнул замок. — Лошадей проверил?

— Проверил. Твоего Гнедого овсом накормили, подковы перебили на шипованные, зимние. Но куда ты собрался, комендант? В такую пору на тракте только волки да лихие люди. До столицы двенадцать дней пути по снежной каше, если перевалы не занесет окончательно.

— До столицы я доберусь за восемь, — Эдрен встал из-за стола, накинул перевязь с длинным прямым мечом и подошел к оружейной стойке. — Я еду к королю.

Бран нахмурился, его густые седеющие брови сошлись к переносице.

— Вальдер Старый не любит дурных вестей. Его вельможи скажут, что порубежные стражи испугались зимней метели и бредней полумертвого мальчишки. Тебя могут лишить плаща и пояса за то, что оставил заставу без королевского указа.

— Пусть лишают, — Эдрен затянул ремни кольчуги на боках. — Если я останусь здесь, весной на этой стене некому будет держать копьа. То, что сожгло Корда изнутри — не болезнь. Это дыхание Бездны. Печать на перевале слабеет, Бран. Если король не откроет тайные хранилища цитадели и не призовет древние союзы, к середине зимы черные трещины пойдут по нашим собственным телам.

Он подошел к старому соратнику и тяжело опустил руку ему на плечо.

— Карн-Дул остается на тебе. Ворота запереть на брусья. Никого не впускать, кроме дозоров со знаками Ордена. Если со стороны гор пойдет черная мгла — поднимайте мосты и зажигайте смоляные бочки на всех шести башнях. Держитесь до последнего. Пока я дышу — я вернусь с ответом из столицы.

— Мы удержим камень, — твердо ответил Бран, но взгляд его оставался тревожным. — Береги себя, Эдрен. На тракте сейчас пусто, а пустота нынче... голодная.

4

Прежде чем повернуть на южный королевский шлях, Эдрен направил коня на север — туда, где заброшенная дозорная тропа уходила в предгорья, огибая урочище Мертвой Ели.

Он должен был увидеть это сам. Никакие рапорты и предсмертные хрипы не могли заменить рыцарю свидетельства собственных глаз.

Гнедой тяжело месил копытами смерзшийся наст. Чем дальше Эдрен удалялся от стен цитадели, тем отчетливее менялась природа. Снег под ногами коня терял чистую белизну; поверху его ложился тонкий, серый слой, похожий на мельчайшую сажу. Она не таяла от дыхания, не растворялась в воде, а маслянисто растиралась между пальцами, оставляя на коже темные полосы, пахнущие серным цветом и тленом.

Лес вокруг замер. В этих краях всегда шумели могучие северные сосны, трещали кедровые под тяжестью сугробов, перекликались сойки. Сейчас вокруг стояла такая плотная, звенящая тишина, что Эдрен слышал собственное прерывистое дыхание и скрип кожаных ремней седла. Деревья стояли голыми, словно обожженными изнутри; сизый иней толстой коркой сковал их стволы, но это был не морозный узор, а омертвелая кристаллическая накипь.

В двух поприщах от заставы дорога вывела его к древней развилке. Здесь когда-то стоял каменный верстовой столб времен Первых Людей, а рядом с ним росла исполинская сосна с раздвоенной вершиной.

Эдрен натянул поводья.

Конь захрапел, вскинул морду и начал пятиться, мелко дрожа всеми суставами. Рыцарь сжал бока жеребца шенкелями, успокаивающе похлопал его по взмокшей шее и спешился.

Сосна была мертва. Ее кора потрескалась и отвалилась длинными пластами, обнажая древесину цвета сырого мяса. Но прямо в центре ствола, на высоте человеческой груди, чернел знак.

Эдрен подошел ближе, держа руку на рукояти меча.

Знак был высечен глубоко, ладони на две вглубь сердцевины дерева. Четыре прямые линии сходились к центральной точке, образуя равносторонний крест, вписанный в незамкнутую окружность. Края древесины вокруг выреза не были надрублены топором — они обуглились до черноты, словно узор наносили раскаленным добела клинком. А из центра знака медленно, капля за каплей, сочилась густая черная влага, мгновенно замерзавшая на коре длинными смоляными сосульками.

Четыре столпа. Печать.

Эдрен снял рукавицу и невольно протянул руку к знаку. Воздух вокруг обугленного дерева был неестественно теплым, дрожащим, как над кузнечным горном. Пальцы покалывало мелкими иглами холода, хотя кожа ощущала жар.

— Не трогай его, путник... — прошелестело в ветвях.

5

Эдрен среагировал мгновенно, повинуюсь годам боевой выучки.

Клинок с сухим металлическим звоном вылетел из ножен, описав полукруг. Рыцарь отскочил назад, припав на одно колено и закрывая левым плечом шею.

Никого.

Лишь голые мертвые стволы, скованные инеем, да неподвижная серая равнина под свинцовым куполом небес. Ветер не шевелил ветви; ни одна хвоинка не упала на снег.

— Кто здесь? Выходи к стали! — голос Эдрена прозвучал резко, но в безжизненном пространстве леса он показался плоским и слабым, словно звук проглотила сама земля.

Ответа не последовало. Но тишина изменила свой лад. Она больше не была пустой; в ней появилось присутствие — тяжелое, густое, наблюдающее из каждого сугроба, из каждой трещины в камнях.

И затем он услышал шаги.

Снег скрипел сзади, мерно и легко. Так ступал человек, не отягощенный доспехами — легко, неслышно, почти касаясь наста подошвами мягких сапог из оленьей кожи.

Эдрен развернулся на пятках, держа острие меча на уровне груди невидимого врага.

Среди редкого подлеска стояла женская фигура.

На ней был темно-зеленый дорожный плащ с серебряной фибулой в виде дубового листа — тот самый, что он лично купил на столичной ярмарке три года назад. Капюшон был откинут назад, и холодный воздух трепал темные, непокорные пряди волос. Лицо было бледным, но на щеках играл слабый румянец от быстрой ходьбы, а в уголках темных глаз таилась знакомая, насмешливая искорка.

— Лиара?.. — имя сорвалось с его губ против его собственной воли, как стон раненого зверя.

Меч в его руке дрогнул. Все его существо — каждая жила, каждое воспоминание о бессонных ночах, о пустой постели, о бессилии перед неумолимым камнем — взмолилось о том, чтобы это оказалось правдой. Чтобы не было того проклятого ледника, не было крови на камнях, не было двух лет одиночества на ледяном ветру Карн-Дула.

Она сделала шаг к нему. Ее сапог оставил отчетливый след на снегу.

— Эдрен, — ее голос прозвучал так близко, так живо, что у него перехватило горло. — Зачем ты опять обнажаешь железо? Разве мало ты махал мечом на этих перевалах?

— Ты... ты погибла, — хрипло выговорил он, силясь удержать ускользающую ясность мыслей. — Я сам насыпал камни над твоим плащом. Я искал тебя три дня...

— Ты искал мертвую, — она улыбнулась своей тихой, печальной улыбкой и протянула к нему руки. Ладони ее были тонкими, с узкими пальцами, без перчаток. — А я жива. Там, за кряжем... там нет холода, Эдрен. Там нет королевских повинностей, нет войны, нет этой бесконечной стыллой зимы. Земля устала. Зачем ты цепляешься за эти рушащиеся камни? Идем со мной.

Она сделала еще один шаг. Расстояние между ними сократилось до трех взмахов клинка. Эдрен чувствовал тонкий, едва уловимый аромат сушеной лаванды — травы, которую она всегда клала в дорожные сундуки.

Его сердце билось тяжело и гулко, отдаваясь болью в висках. Рассудок кричал об опасности, но душа тянулась вперед, готовая бросить меч к ее ногам, упасть на колени и уткнуться лицом в складки ее плаща, лишь бы прекратить эту нескончаемую пытку долгом.

— Лиара... — прошептал он.

Она подошла еще ближе. Ее глаза смотрели прямо в его душу, и в них не было лжи. Там была только бесконечная усталость и обещание покоя.

Но в тот миг, когда ее правая рука поднялась, чтобы коснуться его щеки, Эдрен опустил взгляд.

След ее сапога на снегу.

Он был глубоким, отчетливым. Но на дне этого следа не было белого прессованного наста. Там чернела пустота. Трава под ее ногой не смялась — она превратилась в горсть сухого пепла, из которого медленно, извиваясь черными змейками, поднимался холодный дымок. А в глубине ее расширенных зрачков не отражалось серое небо порубежья — там зияла абсолютная, беззвездная тьма, не знающая ни света, ни тепла, ни памяти.

Морок.

Бездна не пыталась сокрушить его силой. Она пришла за тем, что было для него дороже собственной жизни. Она нащупала самую глубокую рану в его сердце и нанесла удар туда, где доспехи не могли защитить.

Боль, пронзившая Эдрена, была острее любого орочьего копья. Но эта боль отрезвила его. Словно ледяная вода омыла разум, смывая дурман наваждения.

Он медленно, с усилием поднял острие меча, выставив сталь между собой и тем, что носило ее облик.

— Ты не Лиара, — произнес он. Голос его больше не дрожал; он звучал глухо, тяжело, как удар могильного камня о скалу.

Лицо женщины замерло. Улыбка соскользнула с ее губ, оставив лишь пустую, восковую маску.

— Эдрен... ты отвергаешь меня? Опять?

— Моя Лиара осталась на перевале, — сказал рыцарь, глядя прямо в черные колодцы ее глаз. — Она отдала жизнь за то, чтобы рубеж держался. Она никогда не звала меня сложить оружие и предать тех, кто спит за моей спиной. Ты носишь ее лицо, тварь. Но в тебе нет ничего, кроме жадности предвечной ямы.

Фигура перед ним дрогнула. Воздух вокруг нее пошел рябью, как вода в потревоженном омуте. Красивое женское лицо начало расплываться; черные борозды, точно такие же, как на теле дозорного Корда, проступили на ее щеках, на тонкой шее, на вытянутых руках.

— Ты глуп, смертный пес... — голос изменился. Он больше не принадлежал Лиаре; теперь это был гул тысячи осыпающихся камней, скрежет ледника, шепот сотен погребенных заживо голосов. — Ты держишься за прах. Твой король гниет на троне. Твои боги уснули. Рана открыта. Мы заберем все, что вы построили на наших костях.

— Попробуй взять, — выдохнул Эдрен и шагнул вперед, с силой обрушив тяжелый боевой клинок прямо в центр распадающегося призрака.

Сталь рассекла воздух с гулким свистом.

Не было ни удара о плоть, ни треска костей. Фигура Лиары с тихим сухим шелестом рассыпалась тучей черного пепла, которую подхватил внезапно налетевший вихрь. Пепел взметнулся к верхушкам сосен, осел на снег черными хлопьями и растаял, оставив после себя лишь пятно выжженной, обугленной земли.

Лес вновь онемел.

6

Эдрен стоял посреди поляны, тяжело дыша. Меч в его руке мелко дрожал. На стальном полотне клинка, освященного в кафедрале столицы, остался тонкий маслянистый налет, медленно испарявшийся с шипением, будто железо опустили в кислоту.

Рыцарь достал промасленную ветошь, тщательно вытер лезвие до чистого блеска и вернул меч в ножны. Щелчок гарды о край устья прозвучал как последний приговор сомнениям.

Он подошел к коню. Гнедой все еще дрожал, прядая ушами и косясь на выжженное пятно, но когда хозяйская рука легла на холку, жеребец шумно выдохнул пар и успокоился.

Эдрен вскочил в седло, подобрал поводья и развернул коня на юг.

Сомнений больше не было. Скверна не просто прошупывала границы — она начала полномасштабное вторжение. Она знала тайны живых, она использовала мертвых, и древние печали человеческого сердца служили ей отмычками к воротам твердынь.

Застава Карн-Дул продержится месяц. Может быть, два, если Бран сумеет сберечь людей от паники и морока. Но гарнизон из сотни клинков не сможет остановить распад мироздания. Здесь бессильна обычная ратная доблесть.

Нужно найти истоки Древнего Договора. Нужно заставить короля Вальдера говорить — пусть даже ради этого придется обнажить сталь перед самым троном. Если легенды не лгут, Сердце Короны хранится в столичных подземельях, но одного его мало. Где-то в увядающих чащах Эльвалара бьется Сердце Леса, в черных шахтах Кхар-Дорина скрыто Сердце Горы, а в ледяных высях Врат Пепла спит последний носитель Крови Дракона.

Четыре реликвии. Четыре узла творения.

Эдрен тронул коня каблуками.

— Пошел, родимый! На юг!

Гнедой сорвался в галоп, вздымая копытами комья мерзлой земли и черного пепла. Впереди лежали сотни верст заснеженных трактов, неизвестность и неизбежная гибель старого мира. Позади оставалась застава, пустая могила Лиары и черная дыра в ткани бытия, медленно раскрывающая свою пасть навстречу зимнему небу.

Глава II. Венец и бремя

1

Тракт на юг, звавшийся в старинных грамотах Королевской Жилой, умирал медленно, словно живое существо, истекающее невидимой кровью.

Эдрен гнал коня шесть дней и ночей, меняя лошадей на опустевших почтовых станциях. Чем дальше за спиной оставались заснеженные хребты Клыкастых Гор, тем яснее становилось: пограничье не было одиноко в своей беде. Дыхание Бездны опередило всадника. В предгорных долинах, где в эту пору полагалось звенеть крестьянским серпам и скрипеть груженым телегам, царило глухое оцепенение.

Озимые поля стояли черными — не тронутыми морозом, но побитыми странной сухой ржой, выдававшей колосья до самого корня. Деревни встречали рыцаря наглухо забитыми ставнями и лаем голодных псов, брошенных хозяевами. На перекрестках дорог беженцы сбивались в угрюмые, испуганные станы вокруг чадающих костров; при виде всадника в боевом доспехе и с обнаженным клинком у бедра матери прятали детей в глубь повозок, а мужчины хватались за топоры и дубленые колья. Никто больше не ждал защиты от королевских латников. В воздухе стояла та особая, предгрозовая тишина, в которой рушатся государства и забываются древние законы.

На исходе седьмого дня сквозь плотную пелену серого морозящего дождя проступили очертания Олдендора — древней столицы королевства.

Город, возведенный первыми властителями на трех гранитных холмах над рекой Ольмой, всегда славился своим неприступным величием. Его белые известняковые стены, увенчанные сотнями зубцов, прежде сияли на солнце подобно короне из речного жемчуга. Ныне же камень потемнел от влаги и копоти. Мощные подъемные мосты у Главных врат были полуопущены, рвы заросли бурой тиной, а на надвратных башнях висели обвисшие от сырости штандарты с золотым грифоном — знаменем правящего дома.

У решетки ворот стоял усиленный дозор: три десятка копейщиков в помятых железных шапках и длинных накидках цвета увядшей травы. Начальник стражи, тучный капитан с одутловатым лицом и следами давнего пьянства под глазами, лениво перегородил дорогу ковшеобразным щитом:

— Стой, путник. По указу Малого Совета въезд в Верхний город закрыт для всех, кто не имеет гербовой грамоты казначейства. Поворачивай в Нижний посад, если найдешь там свободный угол в харчевне.

Эдрен осадил запекшегося в пене жеребца, откинул мокрый капюшон и стянул с правой руки перчатку. На безымянном пальце рыцаря тускло блеснуло тяжелое кольцо из темного булата — перстень коменданта Северных Рубежей, пожалованный ему короной за оборону ущелий.

— Я не путник, капитан, — голос Эдрена, хриплый от дорожной пыли и бессонницы, хлестнул стражника, как сыromятный бич. — И я прибыл не просить милости у твоих казначеев. Я Эдрен из рода Карна, страж заставы Карн-Дул. Дорогу. Или я снесу твою заставу вместе с твоими копейщиками.

Капитан взглянул на перстень, затем на иссеченный зарубками панцирь всадника, ввалившиеся от усталости глаза и тяжелую рукоять полуторного меча. Спесь слетела с лица стража в единый миг. Он поспешно отступил назад, ударив кулаком в нагрудник:

— Прошу прощения, милорд... Мы не ждали вестей с Севера. Говорили, перевал завалило...

— Завалило не перевал, — бросил Эдрен, трогая коня шпорами. — Завалило ваш разум. Поднять решетку!

Железные зубья с протяжным стоном поползли вверх, и рыцарь въехал под мрачные своды надвратного тоннеля.

2

Если предместья Олдендора кипели глухим отчаянием, то в Верхнем замке — цитадели Каменного Венца — царило кладбищенское безмолвие.

Эдрен поднимался по широким парадным лестницам, где гулкое эхо его шагов казалось святотатством. Огромные залы, некогда вмещавшие цвет рыцарства трех провинций, пустовали. Тяжелые шерстяные шпалеры с изображениями древних походов и охот выцвели и покрылись серой паутиной; сквозь щели в высоких стрельчатых окнах тянуло сквозняком, шевелившим обрывки знамен. Слуги и младшие писцы, попадавшие навстречу, жались к стенам, бесшумно скользя по каменным плитам в мягких войлочных туфлях, словно тени в склепе. Нигде не горели парадные канделябры — лишь редкие чадающие масляные плошки распространяли удушливый запах ладана, перемешанный со сладковатым, приторным духом лекарственных настоев и застарелого тлена.

У кованых дверей Тронного зала дорогу рыцарю преградили двое гвардейцев в золоченых кирасах — Личная стража Государя.

— Его Величество никого не принимает, милорд Эдрен, — негромко произнес старший, не опуская алебарды. — Лекари запретили беспокоить государя. Совет правит именем короля.

— Совет прячется по норам, покуда земля уходит у них из-под ног, — ответил Эдрен, не замедляя шага. Он уперся ладонью в стальное полотно алебарды и с непреклонной, спокойной силой отвел ее в сторону. — Отойди, Торн. Ты знал меня, когда мы вместе брали редуты у Черной Реки. Я проскакал двести лиг не для того, чтобы кланяться твоим писцам. Если король жив — он услышит меня. Если мертв — я сниму с его пальца печать сам.

Гвардеец дрогнул под тяжелым взглядом рыцаря, опустил оружие и виновато отвел взор. Эдрен налег плечом на дубовую створку, и дверь со скрежетом подалась внутрь.

3

Тронный зал был погружен в полутьму. Высокие своды тонули в сером сумраке, куда едва добирался отблеск углей из двух бронзовых жаровен, расставленных у подножия помоста.

Но не полумрак заставил Эдрена остановиться посреди зала, сжав зубы так, что заныли челюсти.

Трон Олдендора, высеченный из цельного куска черного порфира первыми зодчими, не пустовал. На нем сидел король Вальдер.

Старый монарх, чье имя еще десять лет назад заставляло трепетать горные кланы и склонять выи непокорных герцогов, походил теперь на собственное надгробие. Он сидел неподвижно, укутанный до самого подбородка в тяжелую горностаевую мантию, из-под которой виднелись лишь высохшие, серые, как древесная зола, пальцы, судорожно вцепившиеся в резные подлокотники. Его лицо — обтянутый пергаментной кожей череп с глубоко запавшими глазницами — казалось мертвым, если бы не слабое, прерывистое дыхание, со свистом вырывавшееся из приоткрытого рта.

А прямо над троном, на цепях из темного железа, спускавшихся из мрака сводов, висел артефакт.

Сердце Короны.

Оно не было похоже на ювелирное украшение или символ земной власти. Это был бесформенный, величиной с человеческую голову обломок матового, антрацитово-черного металла, внутри которого бился багровый, едва различимый пульс. От реликвии вниз, к телу короля, тянулись тонкие, почти невидимые нити багрово-черного света, вонзавшиеся прямо в основание шеи и ключицы монарха. При каждом слабом ударе сердца Вальдера обломок на цепях вспыхивал тусклым жаром, а тело старика вздрагивало мелкой, мучительной судорогой.

— Подойди... ближе, — раздался с трона звук, едва напоминавший человеческий голос. То был сухой шелест опавших листьев, гонимых осенним ветром по камням. — Не бойся мертвого льва, Эдрен... Он больше не кусает своих псов.

Эдрен медленно приблизился к ступеням помоста, опустил на правое колено и склонил непокрытую голову:

— Государь.

— Встань, — Вальдер с видимым усилием шевельнул подбородком. Его мутные, подернутые бельмами глаза с трудом сфокусировались на лице рыцаря. — Оставь поклоны для придворных крыс. Они уже делят мои провинции в восточном крыле... Я чувствую их страх через камень. С чем ты пришел с Севера? Карн-Дул еще стоит?

— Стены стоят, Вальдер, — Эдрен поднялся, глядя прямо в угасающие очи монарха. — Но люди умирают. Скверна перешагнула перевал. Дозорный с дальнего пикета сгорел изнутри черным пламенем Бездны. На старых межевых соснах проступил знак Четырех Начал, истекающий дегтем. А в предгорьях... морок Бездны говорит голосами наших павших.

При этих словах король слабо застонал — звук этот был полон не телесной боли, а беспросветной, вековой скорби. Пальцы старика еще сильнее сжались на подлокотниках, обнажая синеву под ногтями.

— Значит... началось, — прошептал монарх. — Рана открылась. Четвертая брешь...

— Ты знал об этом, государь? — Эдрен шагнул на первую ступень помоста, позабыв о придворных запретах. — Ты знал, что запечатанный на перевале камень рухнет, и молчал? Ты держал полки на юге, покуда Север истекал кровью в неведении?!

— Молчи! — внезапный вскрик короля заставил жаровни полыхнуть ярче, а черный обломок над троном запульсировал тревожным багровым светом. Вальдер закашлялся — сухим, надсадным кашлем, вызвавшим на его губах каплю темной, почти черной сукровицы. — Что ты знаешь о долге, мальчишка?.. Ты умеешь рубить мечом и держать строй со своей сотней храбрецов... А я тридцать лет держу на своих плечах небосвод, который трещит по всем швам!

Король дрожащей рукой откинул край горностаевой мантии на груди.

Эдрен отшатнулся.

Под тонкой полотняной рубахой государя не было живого тела. Грудь Вальдера была пронизана сетью глубоких, почерневших трещин — точь-в-точь таких же, какие рыцарь видел на теле мертвого Корда на заставе. Но здесь, у трона, черные борозды не убивали плоть мгновенно: от них к Сердцу Короны поднимались пульсирующие нити, удерживавшие жизнь в теле старика и одновременно выкачивавшие ее по капле. Король был прикован к артефакту, став его живой частью.

— Взгляни на меня, — горько усмехнулся старик. — Сердце Короны... дар Первых Людей. Осколок первородной воли, сковавший Бездну на рассвете времен. Пока правитель династии отдает ему свою жизненную силу — купол над Олдендором держится. Мое дыхание кормит эту сталь. Моя кровь питает гранит столичных стен. Но я... иссякаю, Эдрен. Во мне почти не осталось живого тепла. Еще луна, быть может, две — и венец разорвет мое мертвое сердце, а Тьма хлынет на эти холмы.

4

Эдрен стоял, оцепенев перед открывшимся ужасом. Он шел в столицу с гневом, готовый обвинить короля в предательстве и трусости, а встретил измученного узника, добровольно восшедшего на пыточный помост ради спасения своего народа.

— Но если Сердце Короны здесь... — тихо заговорил рыцарь, — если оно живо, почему пал Север?

— Потому что люди возгордились! — король с трудом поднял руку, указывая на темные своды. — Мы забыли слова Первого Договора! Триста лет назад мои предки решили, что человек — единственный хозяин под этим солнцем. Что королевской воли и людской стали довольно, чтобы править миром. Мы вытеснили эльфов в глухие чащи Эльвалара, объявив их угасающим племенем. Мы запечатали выходы из нижних штолен Кхар-Дорина, поссорившись с подгорными владыками из-за золотых жил. Мы объявили драконов бессмысленными хтоническими тварями и загнали последнего из них — Аэриона — в ледяные расселины Врат Пепла!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.